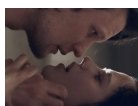

20 января в российский прокат вышел фильм венгерского режиссера Бенедек Флигауфа «Чрево». Постановщик не раз становился призером Берлинского кинофестиваля со своими работами «Дилер» и «Дебри». Его новый фильм рассказывает историю женщины, которая после смерти любимого решает клонировать его, тем самым воскресив возлюбленного. Главную роль в картине сыграла французская актриса Ева Грин, знакомая российским зрителям по ленте «Казино Рояль».

Ева, а ты фильм уже видела в полностью готовом виде?

— Нет, только черновой монтаж и отснятые на площадке материалы, но финальной версии еще не видела. Однако о фильме поговорить могу, потому что, ну, ты понимаешь, я там вроде как присутствовала...

— И что думаешь о том, что смогла увидеть?

— Мне очень понравилась атмосфера — такая немножко меланхоличная и сонная. Когда я встретила Бенедек, он вручил мне два диска с фильмами «Млечный путь» и «Дилер». Вот во время их просмотра меня не покидало то же чувство. Те его фильмы оказались очень визуально изобретательными, но требующими определенного времени на осадку. А нашим фильмом я очень горжусь, потому что он — чистая, прекрасная история настоящей любви. Немного нестандартная, но классная.

— А как ты вообще оказалась в команде «Чрева»?

— Ну как... Мне прислали сценарий, я его прочитала, он показался мне очень, так сказать, необычным, и очень понравился, особенно в идее, что для любви не нужно абсолютно ничего делать. В каком-то смысле эта история была предельно простой и очень мне импонировала, но на тот момент я совсем не знала работ Бенедек. Поэтому решила встретиться с ним лично. И когда мы встретились, я почувствовала, что мы с ним какие-то вещи воспринимаем буквально на одной волне, плюс он оказался невероятно чувствительным человеком. Как режиссер он стремился к полному взаимопониманию и сотрудничеству, и мне это очень польстило, потому что обычно на площадке режиссеры стремятся всем руководить, и актеры в их руках — всего лишь марионетки, а Бенедек по-настоящему хотел, чтобы вся команда была с ним на одном уровне понимания материала. В общем, мне понравилось, как он смотрит на мир, и я решила, что в работе с таким режиссером есть что-то и рисковое, и вызывающее, и провокационное.

— А в работе он сильно отличается от повседневного себя? Поясню, почему спрашиваю: в жизни он душка душкой, очень открытый, внимательный, тонкий, доброжелательный...

— (Смеется.) Ну, он очень милый. Он все время такой расслабленный, у него хорошее, но

странное чувство юмора. Не подумай, что я говорю это из вежливости, но я бы с удовольствием бы еще с ним поработала. Он прекрасный человек. Еще в нем есть какая-то женственность. Он не гей, но есть у него какая-то женская чувственность, интуиция, что ли. И он вот так живет в таком своеобразном пузыре. Но давай остановимся на том, что он очень милый.

— На твой взгляд, «Чрево» — больше фантастика или все-таки сказка?

— Я бы сказала, что сказка. Потому что мы не знаем, ни когда эта история произошла, ни где. Так что фантастики в этой истории, по-моему, не очень много. Это даже больше похоже на обычную человеческую драму о персонаже, который вынужден погрузиться в тему клонирования. Вдобавок в фильме все похоже на обычный мир, который окружает зрителя, и даже клонирование — сейчас реальность, так что, наверное, поэтому эта тема далеко не всем может понравиться. И к тому же как мы его можем назвать полноценной фантастикой, раз тут нет ни инопланетян, ни звездолетов — только клонирование?

— А фильмы «Луна 2112» или «Клон возвращается домой» ты не видела?

— Нет, но зато совсем недавно смотрела «Не отпускай меня» Романека. Мне фильм очень понравился, но это совсем другая история, несмотря на то, что тоже реалистичная. Короче, совсем другой фильм. Для меня «Чрево» — это очень простое кино, но прежде всего кино про любовь. Главная героиня теряет любимого, и, чтобы как-то смягчить горе и вернуться к жизни, она решает его реплицировать и обретает второй шанс на то, чтобы быть с ним. По-моему, всю историю хорошо объясняет сцена, в которой моя героиня и Томми сидят на кровати, и Томми думает, что то, что я делаю, — это верх эгоизма, а я думаю, что это единственное, за что еще цепляется моя жизнь. Ну да, она немножко ку-ку, но меня Бенедек на съемках тоже так называл, что на самом деле комплимент! (Смеется.) В общем, да, моя героиня одержима, и в каком-то смысле все ее мысли как будто сами оказались в утробе. Она думает, что умрет, если таким вот образом не воскресит своего любимого, и только потом она доходит до того, что ее настоящий возлюбленный мертв, как бы она ни старалась его оживить.

— Вот ты говоришь, что история простая, но уже по твоему рассказу я вижу, что в фильме затрагивается множество этических, психологических, мифологических, философских вопросов...

— Да, фильм затрагивает прежде всего моральные вопросы, но не дает на них ответа. Я бы и сама тебе не дала правильных ответов, несмотря на то, что знаю фильм и снаружи, и изнутри. Тут ты сам должен задать себе вопросы. Например, если бы ты безмерно любил свою маму, стал бы ты ее клонировать, если бы она умерла? Разумеется, будь такое возможно, эта мысль тебе бы пришла в голову, но держу пари,

что ты бы подумал и дважды, и трижды, прежде чем к самому процессу приступить, и не факт, что наконец решился бы. Хотя, с другой стороны, например, в Америке люди собаку клонировали. Довольно-таки дорогое и странное удовольствие, но все равно удивительно.

— **Все, абсолютно все фильмы, в которых есть клон, поднимают вопрос, является ли клон стопроцентной копией оригинала, или же он чем-то отличается.**

— Угу.

— **Как вы подошли к решению этого вопроса в «Чреве»?**

— По-моему, Томми вначале сильно отличается от того Томми, которого вырастила моя героиня. Но это нормально, потому что воспитание вообще людей может изменить в принципе — твои воспитатели всегда оказывают на тебя феноменально огромное влияние. И вот мне кажется, что новый Томми оказался совершенно новой личностью, весьма и весьма далекой от своего оригинала. Однако во второй части фильма Бенедек показал, что Томми необъяснимо и загадочно тянет к моей героине. Чувствуется какое-то странное влечение. И из-за этого Томми совсем как-то хреново, мол, что за фигня, почему меня так тянет к этой женщине! И он не понимает, почему. И прямого ответа Бенедек тоже не дает, потому что это может быть и судьба, и какое-то влечение на генетическом уровне, и просто какая-то предрасположенность. А она сначала смотрит на него как на ребенка, потом вообще в ее представлении их связь начинает выглядеть в каком-то смысле инцестом, потому что она и ребенка любит как ребенка, и, с другой стороны, чувствует, что в каком-то смысле в его лице она воскресила любимого. Не знаю, мне кажется, зрители будут думать, что она спятила, но, по-моему, она куда нормальнее других!

— **Что было самым сложным в работе над фильмом?**

— Холод. Мы снимали в удивительных местах, например, на островах на севере Германии. Но мы ни дня не провели на студии. Ландшафт был довольно сюрреалистичным. «Призрака» Поланского, кстати, там же снимали. Было странное ощущение, что мы вообще на луне, а не у датской границы. Пейзаж был удивительно красивым, но насколько он был прекрасен, настолько невыносимым был холод. Нам всем приходилось изрядно согреться всяким горячительным, а Мэтту Смит — парню, который играл Томми — вообще приходилось подливать постоянно, потому что ему нужно было голышом входить в ледяное море. Как он вообще там выжил, не представляю, но храбрости ему не занимать. Но в то же время было достаточно легко работать, и мне очень понравился Бенедек. Наша работа строилась на полноценном взаимопонимании и постоянном диалоге, так что я всегда понимала, чего он от меня хочет, и, кажется, я понимала его поэзию.

— После такого количества снятых Бенедекком фильмов, не уверен, что его еще можно называть самоучкой, тем не менее он развивался, что называется, «в поле». Отличало ли это его работу от работы голливудских профессионалов?

— Знаешь, у большинства режиссеров, с которыми я работала, совершенно не было времени на работу с актерами — по разным причинам, но в основном из-за давления с разных сторон. Иногда времени не хватает и у актеров. Поэтому при подготовке проекта драгоценна каждая минута. Когда мы стали готовиться к «Чреву», у нас было две недели до начала съемок, и это очень помогло мне понять свою героиню. Она оказалась, с одной стороны, необычной и противоречивой, в моем понимании Ребекку нельзя назвать пайнкой, с другой — она весьма застенчива и замкнута, но при этом целеустремленна. Бенедек помог мне правильно понять и буквально ее родить. И то, как он меня готовил, то, как помогал на репетициях, было куда профессиональнее, чем у многих признанных мастеров. Я, честно, не представляю, как бы я без его помощи справилась.

— То есть и Бертолуччи так с вами, актерами, на «Мечтателях» не работал?

— Ну, он по-другому работал. С Бернардо мы почти не репетировали. Ему хотелось, чтобы мы сохраняли нашу непосредственность и полагались на чувство момента. Но атмосфера на съемках была чудесной. Мне повезло, что я дебютировала в кино именно у Бернардо — это очень помогло мне в работе с другими режиссерами. Но все-таки роли мне лучше репетировать, так я и себя чувствую увереннее, и роль лучше понимаю. Бернардо — очень тонкий и умный режиссер, и, очевидно, он уже до команды «мотор» знал, что в сцене сработает, а что — нет даже без репетиций. Это важно — чувствовать, что режиссер тебе доверяет, полагается на тебя и жаждет твоей самоотдачи — так ты сам чувствуешь, что буквально можешь все. И вот как раз Бернардо и Бенедек оказались такими режиссерами, с которыми ты можешь все.

— А с кем работалось лучше всего?

— С каждым по-разному. Ну, это как будто у тебя в жизни было несколько бойфрендов, и с каждым все происходило как-то не так, как с другими, по-своему. (Смеется.) Каждого ты по-разному любила. Вот Бернардо был моим первым, зрелым и очень крепким. Но, знаешь, не могу кого-то одного выделить, но мне нравится, когда работа с режиссером превращается в настоящее партнерство, сотрудничество. Мне понравилось работать с Бенедекком, еще было хорошо работать с Джордан Скотт. Это дочка Ридли Скотта, и у нее удивительный дар объяснять актерам, что от них требуется. В «Трещинах» моя героиня несколько отличается от Ребекки — она яркая, харизматичная, активная, ей море по колено. В общем, как-то так.

— Как человек, знающий и понимающий фильм «Чрево» со всех сторон, что бы ты сказала зрителям перед просмотром?

— Прежде всего, это очень простая и страстная история. Про любовь. Она про природу любви. Она прекрасная. Мне кажется, всё.

